
**ПОБЕДА
БУДЕТ
ЗА НАМИ!**

АРТЕМ
ДРАБКИН

**Я ВЗЯЛ БЕРЛИН
И ОСВОБОДИЛ
ЕВРОПУ**

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2015

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Д 72

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

Фотография на переплете:
Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС

Драбкин, Артем Владимирович.

Д 72 Я взял Берлин и освободил Европу / Артем Драбкин. — Москва : Яуза-пресс, 2015. — 288 с. — (Победа будет за нами!).

ISBN 978-5-9955-0769-7

Победная весна 1945 года. Красная Армия рвется к Берлину — «добить фашистскую гадину в ее логове». Война подходит к концу, и у солдат впервые забрезжила надежда выжить. Но впереди еще последние бои — самые трудные и кровавые, которые разделят их на живых и мертвых...

«Бои в Берлине шли страшные. Под ногами валялись оторванные головы, было месиво. И чем ближе к центру, — тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака — и все! Пахнет Победой! Но сделаешь неправильный шаг, и — «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли!.. Знамя было у каждого, но не каждому суждено было его водрузить...»

«В Берлине я командовал штурмовой группой. Пять танков, взвод автоматчиков и взвод саперов. Шли медленно вперед, прижимаясь к стенам домов, чтобы хоть один борт уберечь от «фаустников». Кто на середину улицы выезжал, того сразу поджигали. Дошли до большого перекрестка, а из-за углового дома — сплошной огонь. Убийственный. Пехота залегла, а танки под «фаусты» и зенитки я не имел права бездумно пускать. Взял автомат, вылез из танка и пошел на разведку, а потом, вместе с пехотой, полез немцев из здания выкуривать. Первый этаж отбили, а на втором этаже мне пулей прошло ногу насквозь. Кость не задело. Оттащили меня назад, занесли в какой-то дом, там перевязали. Кто-то из наших сказал, что это дом, в котором до войны жил фельдмаршал Паулюс. Два дня в санбате отдохнул «на больничном», а потом похромал обратно в роту, без всяких там сентенций, мол, не дай Бог погибнуть в логове врага, за мгновение до Победы. И не было у меня никакой жалости к себе или страха смерти...»

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9955-0769-7

© Драбкин А.В., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

Винник Павел Борисович,
стрелок 1374-го стрелкового полка
416-й стрелковой азербайджанской дивизии

Интервью А. Драбкина

Одер мы форсировали по льду под Кюстрином. Мы отразили две очень сильные немецкие атаки, и там же, под Кюстрином был мой первый рукопашный бой. Именно рукопашный, а не штыковой. Второй был в Берлине. Мы выходили на улицу, и как у него, так и у меня могло оторвать голову. Штурм Берлина... Я никогда не забуду о боях в Берлине. Причем там такая была интересная вещь: Берлин — город удивительный, так безалаберно, несмотря на немецкую пунктуальность и аккуратность, построен! Бои под Берлином шли очень сильные... Мы к этому времени не один город брали: и Варшаву, и Кишинев, — это там у меня друг погиб. Каждый город имеет свою специфику, но Берлин — город особый. Он очень большой, очень. Одни подступы, пригород!.. Мы шли со стороны аэродрома. Немцы драпали удивительно: все было уже ясно. Когда мы стали подходить к центральным районам, где

стояли большие дома, имеющие гранитный фундамент, начались проблемы. Скажем, идет улица, и на перекрестке дом, у которого нижние этажи превращены в бойницы. Немцы простреливали всю улицу. Никакой танк не может туда попасть! Или, например, прямая улица, но на ней все здания имеют гранитные основания, а вдоль здания — амбразуры, и немцы простреливают все улицу. Попробуй ее взять! Полное идиотство было бы вводить танки, как сделали в Грозном. Не может танк участвовать в городском бою, это липа! С 3-го этажа зажигательную бутылку бросаешь, и танк взрывается со всем, что в нем есть. Было решено брать пехотой. Около 6 армий замкнули Берлин. Немцы сопротивлялись очень сильно. Некоторые сдавались, но драчка была сложная. Пехота играла в ней решающую роль.

Танков было дай бог, но в город они не шли. А пехота шла! Надо было освободить центральную улицу. Салкин собрал нас: «Как будем?» — «У меня есть предложение». — «Говори». — «В городе есть черный ход и парадный. Если заходить с черного входа, можно через квартиры верхних этажей выйти в парадный подъезд другого дома». Немцы дали населению команды — не закрывать квартиры. Мы этим воспользовались. Вдвоем с бойцом мы прошли в указанный командиром дом. Во дворе стояли походные кухни, лежали ящики с минами — и немцы там сидели. Буквально через 40—50 минут я остался один, а напарник вернулся и привел туда всю роту. Мы спустились на третий этаж, открыли окна и забросали немцев гранатами. От них месиво осталось, и улица была открыта. Вот что такое, когда командир думает о судьбе своего подчиненного! Разные были. Были такие, которые могли положить всю роту.

Сами жители находились в подвалах. Города были пустые. Входишь в дом — горячая кастрюля, а жителей нет. Они нас боялись как чумы. Думали, что будем мстить. И было за что! Сколько нашего населения уничтожили?! Но мы действовали по приказу Жукова: если немец

сдается — не убивай! Бросали листовки: «сдавайтесь, гарантируем жизнь».

Все этажи жилых домов открыты, а они сидят в подвалах. Вот вы спрашивали насчет половых контактов. Мы бежим, немки нас видят и сами ложатся. Дурочки, нам не до этого! Они готовы были на все, только не убивайте. Мужики поднимали руки, а они ложились. Потом поняли, что русские не убивают.

Мы были с противотанковыми гранатами, не с «лимонками». Это более мощное оружие, и еще на нее можно разрывной панцирь надевать. Взрыв был страшнейший. Участие пехоты, наше участие в боях за Берлин было основным. Потом подтягивали саперов, а на окраинах стояла тяжелая артиллерия, и танки на окраинах стояли, только десанты работали.

Каждому подразделению, полку и роте было выдано знамя для водружения на Рейхстаге. Но все зависело от направления. Мы дошли до Александерплац, где потом погиб Берзарин: сел на мотоцикл, рванул, отказали тормоза. Мотоциклист насмерть, ему сломало позвоночник, и он скончался.

На улицах жуткий огонь стоял! Под ногами валялись оторванные головы, было месиво, бои были очень страшными. И чем ближе к центру, тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака — и все! Пахнет Победой! Сделаешь неправильный шаг, и — «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли! У меня было несколько атак из окопа, но таких, как в Берлине, ратных, в один строй, атак никогда не было. Когда подается команда «вперед», каждый делает это по-своему. Кто ползком выбрасывается, кто рывком, по-разному. Пять шагов — и упади. Потом следующие шаги, перебежками. Жить хотелось... Знамя было у каждого, но не каждому было суждено его водрузить.

Мы попали не в Рейхстаг, а во Дворец Фридриха, напротив Рейхстага. Он уникальный по красоте, прямо музей. Задняя сторона — река Шпрее. Пусть небольшая, но она его защищала. Мы успели дойти до Бранденбургских ворот,

даже ближе. Потом там было посольство СССР, — когда я после войны приезжал в Берлин, то все это вспоминал... Центр сторел весь. Разобраться, где наши, где немцы, было невозможно. Мы, рота автоматчиков, были при штабе полка. В нашем полку было три батальона и вспомогательные подразделения: матчасть, машинная рота и др. Целая комплектация! И вот мы были со штабом полка. Честно говоря, было ощущение близкой, ближайшей Победы. Каждый мыслил: какая она будет, Победа?! И вдруг к утру стало тихо-тихо. Что такое? Мы не могли понять. Снаряды кончились? И вдруг по рации: «Немцы капитулировали. Не стрелять! Ждать распоряжений!»

Немцы шли колоннами на окраину города по определенным улицам, которые им отвели. На углах стояли автоматчики, и они бросали оружие в кучу и дальше шли без оружия. Их построили в колонну.

Тогда казалось все, уже стрелять не надо. Первый раз, когда объявили полную Победу. Это было 2 мая. «Ура, Победа!» Мы стреляли, орали. Потом прибегают парень и говорит: «Во втором квартале, за тем поворотом, склад амуниции. Там такие хромяги!» Это хромовые сапоги. А мы же в кирзе. Человек пять пошло — и вот нет и нет их. Тогда этот парень нас повел. Двух мы не нашли, а трое лежали с простреленными головами... Там была засада.

Когда закончились бои, на все центральные улицы, где стояли части, были выдвинуты походные кухни, и немцам раздавалась горячая кухня и хлеб... Первые две недели после Победы мы стояли в переулочке, был такой переулочек Вассер-Гассе. А потом нас перевели в Трептовские полицей-казармы, в Трептов-парк. Но проживание военных в городе приносило многие неприятности. Было очень строго в отношении «выйти на улицу». Иногда нас замполит посылал за пивом, и один раз меня комендантский патруль арестовал, когда я в очереди за пивом стоял. Нас посадили на «губу» только за то, что мы ходили по улицам без разрешения! Пиво было потрясающее, но если увидит комендантский патруль... Привели в комендатуру, сорвали

погоны, посадили на гауптвахту. У нас не было документов на выход. Очень было строго! Только вечером меня освободили.

Даже после Победы случалось, что бойцы погибали в засадах. Гибли люди и по непродуманности, по небрежности. Тогда был введен режим строгой оккупации. нас вывели из центра, из Трептов-парка, в город Цосен, в 30 км от Берлина, — это еще Вайсензее. Там позже был знаменитый штаб всех оккупационных войск. Штаб гарнизона стоял в Белом озере, это очень красивый, элитный район. Но и при таком строгом режиме пропало 12 ребят из подразделения в составе нашего полка. Оказывается, на территории этого лагеря был бункер-конус на случай бомбежек. Часто ребята туда заходили, спускались вниз. И оказалось, что решив посмотреть, что и как, они нашли ход, который вел 30 км до Берлина. Там были военные заводы, изготавливающие оборудование. И когда они это открыли, то пропали почти на неделю. Это была удивительная история!

Берлин был поделен на несколько секторов: английский, американский, французский и наш. Наш — самый центр. Раз в неделю менялись объекты охраны. Мы несли охрану Рейхсканцелярии. До сих пор помню, что Рейхсканцелярия хорошо сохранилась. Мы сменили первую команду и несли охрану. Там был аудиенц-зал, где Гитлер награждал своих. И там в стене были сейфы, где хранились ордена Рейха. Мы набирали их, и у американцев меняли их на сигареты. У нас не было сигарет: самое лучшее — Беломорканал, а так махра. У немцев же сигареты были: валялись прямо на улице, целые блоки сигарет. Мы брали, курили, потом один из наших распотрошил сигарету — оказалось, пропитанная никотином бумага. Когда я попал на фронт, то не курил и не пил. Но в зимний период можно было согреть руки, раскуривая папиросу, и так я начал курить.

Тогда же у меня появился фотоаппарат: очень интересный, знаменитый «Цейс». Я уже говорил, что мы несли

охрану гитлеровской канцелярии, а там раньше сидели немецкие флигель-адъютанты. Я зашел взять бумагу, письмо матери написать, открыл ящик — а там фотоаппарат лежит. Когда я общался с немцами, немцы мне сказали: это «зер гут!» В расцвете Германии, в 1938 году, корова стоила 30 марок, а аппарат стоил 300! Вот какой был аппарат. Когда был первый обмен денег, то я его продал за 17 тысяч, чтобы матери помочь. А потом тут же начался обвал: эти 17 тысяч перешли в 30 рублей — вот так я камеру и потерял.

Ваулин Дмитрий Петрович,
летчик 890-го дальнебомбардировочного
авиационного полка

Интервью А. Драбкина

Когда в конце войны мы вылетали из Барановичей на Берлин, погода была очень плохая. Бывает, в апреле-мае идут вторичные атмосферные фронты, или, как их еще называют, «аклюзии», когда через каждые 40 минут идет град, снег, тучи налетают, а потом опять солнышко. Потом снова непогода. Мощные стояли фронты, грозовые. А лететь надо тысячу километров до Одера. 16 апреля мы взлетели в 3 часа ночи, погода была очень плохая. Пролетели тысячу километров, отбомбились по передовой. Там все горело, все дымил. Причем характерно, подлетаем к Познани с опережением, примерно минут на 15. Познань начала стрелять по нам. Сигнал «Я свой» — зеленые ракеты. Как посыпались зеленые ракеты — и справа, и слева, и сверху. Туча самолетов дальней авиации летела, и все летели с опережением минут на 15! Нужно было время гасить на «петле». И вот все стали гасить это время в районе

Познани. Тут смотри в оба, чтобы не стукнуться! Подходим к цели, все горит, кругом прожектора. Видно, как артиллерия стреляет, вспышки. Мы были на небольшой высоте — может быть, тысяча метров. Море огня! Видимо, там и мелкая авиация работала, и артиллерия. У нас цель — какой-то опорный пункт. А где там его найдешь, в этом море огня? Мы знаем примерно: расстояние от Одера до немецких позиций 10 километров. Мы отбомбились, прилетели обратно домой в девять часов утра.

Потом летали мы на Берлин 22 и 24 апреля. 24 апреля погода была ужасная. Взлетаем, облачность — 30 метров. И всю дорогу был грозовой фронт, очень низкая облачность. Решили идти под ней. Включили автопилот и сами ему помогаем. С консолей плоскостей, с винтов, пулеметов стрелков срываются огни статического электричества, и кажется, что во тьме несется огненное чудовище. Кидало нас страшно. Вдруг впереди вспышка, и покотился огненный шар — кто-то врезался в землю. Проскочили. Отбомбились по Берлину, я говорю:

— Вася, давай домой не полетим. Ты видишь, какая погода?! Давай сядем.

Дошли до Познани.

— Давай сядем в Познани, там аэродром работает.

Мы кружочек сделали, сели. Заруливаем на стоянку.

Там нас встречают вопросом:

— Что, заблудились?

— Нет, не заблудились, я сел по погоде. Не хочу лететь дальше. Погода очень плохая, там будет трудно с посадкой.

— Тогда идите, отдохайте.

Мы «отстучали», что сели в Познани, чтобы за нас не переживали. Наутро заправились. Прилетели в два часа дня. А нам сообщают:

— Паша Михалец заблудился.

Это штурман эскадрильи, а с ним замкомандира эскадрильи. В общем, начальники наши. Заблудились. Бросили самолет, спустились на парашютах. А другой самолет примерно в это же время из-за погодных условий сел

в Белостоке, и экипаж тот поляки зарезали. Вася Алексеев, мой кореш, грохнулся. У него второй летчик Мурзин — не то убрал, не то выпустил щитки, самолет просел и грохнулся. Они живы остались, но нехорошо получилось. Один или два самолета выкатили за полосу, поломали передние ноги. Погода была, облачность 30 метров!

Этого Мурзина, моего второго летчика Тиму Кучеренко и Милованова прислали к нам вторыми летчиками из Бугуруслана. Характеристики у них были такие: «Теряет пространственное положение. В полете обсикается, обсерается. Направляется на самолеты типа «Ли-2» вторым летчиком». А их к нам! Тупые, тупые летчики.

А мой этот Кучеренко... Летали на Данциг с Орши, дошли до Вислы за облаками. Еще светло было. Нырнули под облачность, шли по Висле до Данцига. Высота была 800 метров. Мы из-под облаков бомбили. Данциг ошестинился. Стреляет МЗА, а я на нее пикирую. И только когда ко мне эта колбаса малокалиберных снарядов стала приближаться, я ухожу в сторону. Носился от пушки до пушки, но удрал! А мой второй летчик сиденье назад откатил, ноги поджал, руками голову закрыл, так и сидел... Прилетели — правый элерон выбит, весь самолет в дырках. Потом он уже понемножку научился летать, даже стал командиром на Ту-4.

Последние три вылета были на Свиномунде. Это порт на Одере. Там были все отступающие войска. Бомбили порт. Немецких самолетов уже не было, и вражеских ПВО практически не было. Но там была другая проблема — своих самолетов очень много, как бы не столкнуться. Мы на встречном курсе чуть не столкнулись, и нас на спутной струе сильно трянуло. Отбомбились.

Говорю:

— Вася, самолетов очень много. Давай мы пойдем домой не по суше, а по морю, потому что можно столкнуться.

Пошли на море. Обошли.

А дальняя авиация шла волнами — там бомбят и тут бомбят. Мы морем прошли, потом на сушу и нормально сели.

И последний вылет был в ночь на первое мая. Мы всей дивизией летали пьяные. Получилось так вот почему. Погода была ужасная — низкая облачность, дождь идет. 40–50 метров высота. И нам дают команду: «Отбой!» Мы жили в городе, а аэродром был километрах в трех от города. 30 апреля у нас был торжественный вечер в клубе в честь Первого мая. Потом танцы. У нас, естественно, спиртик водился. Мы до ужина выпили. Покушали, еще выпили, а потом пошли на торжественное собрание в клуб. Пьяненькие уже.

Начальник политотдела дивизии полковник Николаев на трибуне в клубе речь толкает, прославляет коммунистическую партию, товарища Сталина. Мы ждем, когда начнутся танцы. И вдруг в середине этого доклада объявляют:

— Боевой вылет, война.

Мы боевые вылеты называли войной. Так говорили: «Сегодня будет война или нет?» Допустим, нет. Значит, отбой. Сегодня уже объявили, что войны не будет, отбой. Поэтому мы побрились, почистились, напились и пошли на танцы.

А тут — война. Я думаю: «Какая война! Идет дождина, не видно ничего». Но приказ: «На аэродром!» Думаю: «Ладно, доедем до аэродрома и обратно приедем».

Приехали на аэродром, ничего не видно, дождина.

— По самолетам!

Ладно, думаю, посидим в самолетах и обратно в клуб. А тут команда:

— Запускайте моторы, взлетать.

Мы переоделись. Взлетаем. Разожгли площадки, костры, пытались сделать какое-то направление, чтобы было видно немножко. Взлетели. И буквально через 30–40 километров погода стала более-менее хорошей.

Я жалуюсь:

— Вася, меня мутит.

Вот так. Я вообще очень плохо переносил спиртное — пацан еще был. Если выпью стакан водки, то уже валяюсь трупом. А там спиртику выпили.

Он говорит:

— Командир, у меня есть шоколад, съешь шоколадку — может быть, полегче будет.

Я перекусил. Летим дальше. Отбомбились нормально. И это был последний боевой вылет, в ночь на 1 мая 1945 года. И практически вся дивизия летела пьяная, потому что все выпили хорошо.

После первомайского вылета нам дали задание днем лететь на Либаву. Мы готовимся, подвешиваем бомбы, нам дают задание, а погоды нет. Идут вторичные фронты. Нам все время дают отбой, отбой, отбой. И так нас продержали до 9 мая. А 9 мая утром пальба, шум, гам. В Барановичах стоял бронепоезд, и он заухал из своих пушек. Конец войне!!!

Стрелки побежали, начали стрелять из всех пулеметов, все кричат:

— Ура!!! Ура!!! Ура!!! Война закончилась!!!

Состояние было необыкновенное. Очень трудно это описать: столько переживаний и в то же время такой стресс.